

УДК 340.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/89-98>

МЕХАНИЧЕСКИ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЗАПАДНЫЕ ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНОМИИ*

А. В. Малько, Д. А. Липинский, Р. С. Маркунин, А. А. Иванов

Тольяттинский государственный университет

MECHANICALLY BORROWED WESTERN LEGAL CONSTRUCTIONS AND VALUES AS A FACTOR OF INCREASING LEGAL ANOMIE

A. V. Malko, D. A. Lipinsky, R. S. Markunin, A. A. Ivanov

Togliatti State University

Аннотация: анализируются проблемы механического заимствования конструкций и ценностей из западных правовых систем, которые не согласуются с отечественными правовыми традициями и менталитетом. Делается вывод, согласно которому подобное приводит к тому, что они не воспринимаются большей частью населения как присущие именно ему конструкции и ценности, как естественно-адекватные его правовой культуре, как национально выверенные правила поведения, что с неизбежностью ведет к усилению юридической аномии.

Ключевые слова: правовая система общества, юридическая аномия, механически заимствованные конструкции и ценности, баланс прав и обязанностей человека и гражданина, правовая культура, правовые традиции, менталитет, национальная идентичность.

Abstract: the article analyzes the problems of mechanical borrowing of structures and values from Western legal systems that are not consistent with domestic legal traditions and mentality. It is concluded that this leads to the fact that they are not perceived by the majority of the population as structures and values inherent in it, as naturally adequate to its legal culture, as nationally verified rules of conduct, which ultimately inevitably leads to increased legal anomie.

Key words: the legal system of society, legal anomie, mechanically borrowed structures and values, the balance of rights and obligations of a person and a citizen, legal culture, legal traditions, mentality, national identity.

Глобализация в силу возникающих общих проблем для различных государств (международная преступность, безопасность, экология, информация и т. д.) объективно связана с формированием неких единых подходов и стандартов при их решении, усилением сотрудничества между странами, расширением обменных процессов, в том числе и с заимствованием необ-

ходимого опыта у тех, у кого он уже есть. Естественное и востребованное заимствование, «вписывающееся» в ту систему, которая заимствует, приносит немало пользы: сохраняя непотраченную энергию (ведь «не обязательно изобретать заново велосипед»), оно придает немалый импульс для развития того или иного государства (в частности, используются инновации, передовые технологии).

Между тем не всякий опыт можно и нужно заимствовать. Более того, искусственное, т. е. механическое, заимствование, которое проводится без учета собственной культуры и националь-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

© Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С., Иванов А. А., 2023

ных особенностей, приводит к разрушительным, аномичным явлениям в обществе. В современный период ситуацию усугубляет тот факт, что в условиях однополярного мира, который стали выстраивать США после развала СССР, глобализация весьма быстро превратилась в вестернизацию, по сути, в навязывание Западом своих интересов и ценностей.

Если же говорить конкретно о юридической сфере, то, по мнению В. Д. Зорькина, «правовое заимствование может сработать только в том случае, если заимствующий (реципиент) понимает под заимствуемой правовой нормой или институтом то же, что понимается под ним в исходной правовой системе, к которой эта норма или институт принадлежит. Ведь если перенести определенный правовой институт, скажем, из системы общего права (например, уже классический пример английского траста) на почву посткоммунистического общества и посткоммунистической правовой системы, даже сохранив все формулировки и верно переводя содержание терминов, социолингвистическое понимание такого правового института во второй системе может быть кардинально иным. Не вдаваясь в проблемы эпистемологии, отмечу, что, когда правовой институт или правовой феномен вырван из своего контекста или из той почвы, на которой он произрастает, и перенесен в новые социальные условия, в новую культуру, происходит спонтанная (часто даже не осознаваемая) трансформация содержания института»¹.

Действительно, некритическое, механическое заимствование правовых норм, возникших и существующих в иных правовых системах, излишне быстрое и недостаточно обоснованное «реформирование целых отраслей и институтов законодательства на западный манер (например, реформа законодательства о техническом регулировании)»² может отрицательно сказаться на имеющейся упорядоченной совокупности норм, что приводит к разбалансированности отечественной правовой системы. Это вполне может привести не только к утрате стабильной «работы» данной системы, но и к юридической аномии в нашей жизнедеятельности.

¹ Зорькин В. Д. Право против хаоса. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 66.

² Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (обзор материалов круглого стола) // Государство и право. 2004. № 11. С. 106.

Так, в 90-е гг. XX в. бездумное копирование либеральной политико-правовой модели обернулось для России хаотизацией ее государственно-правовой жизни. «Младореформаторы» объясняли это тем, что в кризисные моменты может спасти только немедленная рецепция «правовых достижений либо политических теорий более развитых стран, что якобы моментально приведет к всеобщему благоденствию»³. Можно даже сказать, что они «видели в рецепции чуть ли не основной способ модернизации постсоветского и права, и государства, и национальной экономической системы, что и не дало искомым ими и важных для социума результатов, так как тотального заимствования иностранного права (при все желании властных элит) не может быть в принципе, поскольку ни при каких обстоятельствах не может быть перенесено из одной страны в другую право в целом... Отменить все прежнее законодательство, перечеркнуть все национальные правовые традиции, правовую идеологию и другие национальные особенности невозможно. Не может правовая культура исчезнуть бесследно, если остаются люди, нация»⁴.

Право и правовая система в целом взаимопереплетены с культурой (и с правовой культурой в частности) настолько, что те или иные искусственные «переносы» очевидно не присущих им юридических феноменов вряд ли смогут надолго задержаться в правовой жизнедеятельности конкретного общества. Более того, «любые правовые заимствования, а равно отнесение определенных правовых категорий одной правовой системы к другой или автоматическое отнесение категорий международного права к праву национальному – тупиковый путь»⁵.

Думается, здесь можно в полной мере согласиться с К. В. Арановским в том, что «государственно-правовое регулирование, включающее институты, поставленные в противоречие мировоззренческим основам, оказывается внутренне рассогласованным и теряет от этого свою функциональность»⁶. Это опять же характеризует

³ Ткаченко С. В. Рецепция права в переходный период развития России. М., 2011. С. 15.

⁴ Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 79.

⁵ Зорькин В. Д. Право против хаоса. С. 68.

⁶ Арановский К. В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 89.

ет Россию «лихих» 90-х гг., в которой наблюдалась ярко выраженная вестернизация национальной политико-правовой жизни. Правовая система в тот период «приютила» немало чуждых для отечественной культуры юридических фетишей. Они буквально навязывались Западом и внутренней либеральной (во многом непатриотичной) пятой колонной. Подобные чуждые юридические «ценности» просто были вырваны из принципиально иного культурно-цивилизационного контекста (англо-саксонского) и внедрены в совершенно несвойственную им российскую государственно-правовую действительность. Случившееся подорвало основы правового регулирования, способствовало росту деформаций правосознания граждан и привело к довольно быстрому отторжению (доказавших свою результативность на Западе) юридических институтов, которые во многом сопряжены с рядом разрушительных последствий (в частности, речь может идти о приватизации, законодательстве о залоговых аукционах и т. д.).

Таким образом, попытки продавить несоответствующие правовой культуре юридические инструменты в ткань правовой ментальности неизбежно ведут к отчуждению от них большинства населения, сопровождаются разочарованием от несбыточных нормативно-правовых ожиданий, становятся источником масштабного правового нигилизма и в итоге приводят к юридической аномии.

Внедрение в правовую систему российского общества чужеродных элементов, своего рода вестернизацию, можно рассматривать как попытку минимизации, а подчас и нивелирования традиционных для России моральных и культурных ценностей, ее национальной идентичности. Кризис идентичности в литературе неслучайно связывают с аномичными процессами⁷.

В качестве наиболее яркого примера хотелось бы остановиться на «продвижении» либеральным Западом в отечественную правовую систему института прав человека в их понимании.

Важно отметить, что права и обязанности человека и гражданина – это прежде всего юридические инструменты, призванные удовлетворять различные интересы (личные, общественные, государственные и т. п.). Права, как известно,

⁷ См.: Малинина К. О. Социальная аномия в современном российском обществе : причины, проявления, показатели : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. С. 11.

устанавливают меру юридически возможного поведения, позволяя субъекту удовлетворять его собственные интересы. Обязанности же, наоборот, предполагают меру юридически должного поведения, создавая тем самым для субъекта необходимость действовать в интересах управомоченного, а в конечном счете и в общественных интересах. Соответствующее сочетание прав и обязанностей всегда присутствует в правовом регулировании тех или иных государств, которое во многом определяется их правовой культурой, национальной идентичностью, традициями.

Идеология западного либерализма, базирующаяся на провозглашении и необходимости защиты прав и свобод человека и гражданина, на первый взгляд выглядит как забота о личности. Однако не все так однозначно. Здесь важно иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, как обоснованно подчеркивает В. Д. Зорькин, «права человека могут рассматриваться (а нередко, к сожалению, и рассматриваются) и как некий прагматичный инструмент политики, который отдельные государства или группы влияния могут использовать в своих интересах – это одна из крайностей и негативный аспект международной системы защиты прав человека»⁸. Действительно, права человека применяют зачастую как «таран» против режимов, не угодных по тем или иным причинам западным странам. Более того, они научились мастерски манипулировать этим инструментом в своих эгоистических интересах. Во-вторых, права и свободы человека далеко не всегда выступают абсолютной ценностью. Как известно, «в определенных ситуациях общественная безопасность и социальное благополучие всего населения становятся важнее соблюдения прав и свобод отдельного гражданина. Защита большинства – фундаментальный принцип демократии»⁹. И это правильно, ибо в условиях, например, пандемии, чрезвычайной ситуации, войны и т. п. исходить нужно именно из вышеназванных истин и социальной солидарности¹⁰. В-третьих, нельзя

⁸ Зорькин В. Д. Право будущего в эпоху цифр. Индивидуальная свобода или сильное государство? // Рос. газета. 2020. 16 апр.

⁹ Медведев Д. А. Шесть уроков одной пандемии. Заместитель председателя Совета безопасности РФ о прошлом, настоящем и будущем борьбы с COVID-19 // Рос. газета. 2021. 1 нояб.

¹⁰ Social control and solidarity during the COVID-19

устанавливать якобы универсальный западный набор прав и свобод человека и гражданина без учета культуры, менталитета и иных моментов собственного развития конкретной страны.

Верно подмечено, что «сегодня рожденные в границах основанного на принципе индивидуализма западного общества идеи абсолютной ценности прав человека не просто провозглашаются, но и переносятся в иные типы обществ...»¹¹. Общество, становясь более материально обеспеченным и менее религиозным, теряет сплоченность и вовлеченность субъектов в социум¹². Тем самым абсолютизируются права и одновременно недооцениваются обязанности.

То же самое произошло и с нашей страной. С одной стороны, система прав человека, закрепленная в Конституции РФ 1993 г., внешне соответствовала международным стандартам, с другой – не соответствовала собственному правовому и культурно-историческому опыту, а также традициям, которые права всегда жестко связывали с обязанностями. Сейчас нам нужен адекватный для российского общества баланс прав и обязанностей, тогда и защита прав человека будет более действенной. В связи с этим в новой Конституции РФ важно детально «расписать» не только права, но и обязанности, их обеспечивающие, а также установить «новые-старые» обязанности. В частности, следует вернуть в Конституцию РФ обязанность трудиться. Кроме того, ряд конституционных обязанностей, которые пока закрепляются косвенно, лучше обозначить, что называется, напрямую (например, обязанность не нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17), обязанность уважать достоинство других людей (ст. 21) и т. д.).

Чисто психологически установление преимущественно прав формирует лиц, ориентирующихся прежде всего на свои запросы, беспокоящихся только о себе. Как показывает практика, «перекося» в сторону прав в ущерб обязанностям приводит к нарушениям принципа сочетания общественных и личных интересов, ложному по-

pandemic: The direct and indirect effects of causal attribution of insufficient compliance through perceived anomie / Roblain A., Gale J., Abboud S., et al. // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2022. № 32(5). P. 963.

¹¹ Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М., 2015. С. 208.

¹² См.: McCaffree K., Shults F. L. Distributive effervescence: emotional energy and social cohesion in secularizing societies. Theory and Society. 2022. № 51. P. 234.

ниманию роли «своих» потребностей и явной недооценке «чужих» (общих). Об этом же свидетельствуют результаты социологических замеров Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, которые проводились в 2020–2021 гг. Согласно полученным данным «две трети (65 %) считают, что для человека главное – его личные, а не общественные интересы. Ограничить себя ради блага страны и общества готовы только 35 %»¹³.

Между тем без должного баланса прав и обязанностей не будет эффективного и социально ценного правового регулирования. Личность нужно ориентировать не только на права и свободы (что так активно нам навязывал Запад), но и на осуществление их обязанностей. Важно это везде и постоянно подчеркивать, в противном случае общество «получит» граждан, тяготеющих только к правам и свободам (т. е. к личным интересам) и игнорирующих обязанности (которые направлены на обеспечение прежде всего общественных и государственных интересов). Столь необоснованную крайность, которую в 1990-е годы считали юридической аксиомой, нужно срочно исправлять. Пример с убегающими за рубеж многочисленными лицами, подлежащими частичной мобилизации, красноречиво говорит об этом.

Существование одних только прав без соответствующих обязанностей «разрушило бы общество вследствие перманентных, никогда не прекращающихся конфликтов взаимодействующих друг с другом субъектов. Чтобы этого не допустить, в социуме должен существовать некий уравнивающий механизм, представляющий собой подобие весов, на одной чаше которых находятся права, а на другой – обязанности. В этом смысле обязанности имеют такое же естественное происхождение, как и права, что основывается на параллельности их существования, единстве в появлении и эволюции»¹⁴.

Вместе с тем «уход» только в одни обязанности – тоже излишне радикальное предложение и также будет означать некую крайность. Эту точку зрения наиболее ярко выразил известный кинорежиссер А. Кончаловский. «Права челове-

¹³ Добрынина Е. Граждане люди. Социологи выяснили, во что и кому граждане России по-настоящему верят // Рос. газета. 2021. 13 авг.

¹⁴ Грачев Т. С. Единство прав и обязанностей как принцип права : общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 23.

ка – это химера и ложные движения европейской цивилизации. Это огромная диктатура лжи. Права человека нигде не соблюдаются. Все великие цивилизации строятся на обязанностях, нельзя права человека ставить над его обязанностями. Те, кто не исполняет обязанности, не могут иметь права. Посмотрите на китайскую цивилизацию, на христианскую цивилизацию – там прежде всего обязанности. Когда человек получает все права, он, грубо говоря, теряет человеческий облик. Что такое обязанности? Это культура! На мой взгляд, либеральная европейская мысль ведет к пропасти только потому, что она фетишизировала права. Это путь в ад»¹⁵.

Важно избегать крайностей. Если в Конституции СССР 1977 г. институт прав человека явно недооценивался, то в постсоветской Конституции РФ 1993 г. права человека были установлены с очевидным перевесом по отношению к его обязанностям, которые также естественны для человека, как и его права. Действительно, если в Советском Союзе в правовой политике доминировали общегосударственные интересы с определенным соответствующим отношением к интересам личности и вытекающим из этого отношением к ее правам, то в постсоветский период маятник качнулся в другую сторону и доминировать стали, правда, во многом формально и на декларативном уровне, интересы личности, что нашло отражение в заметном преувеличении института прав и свобод человека и гражданина. Поэтому и то и другое – нарушение баланса. Нужно спокойно выработать свое сочетание прав и обязанностей, которое базировалось бы не на западноевропейских и не на азиатских, а на собственных евразийских культурно-исторических и правовых ориентирах. В новой Конституции РФ права человека следует «перевести» из политического средства (как своеобразной декларации) в средство юридическое. Полноценное правовое регулирование будет тогда, когда права станут участвовать в упорядочении общественных отношений вместе с обязанностями и находиться в сугубо юридической плоскости. Отсюда и гл. 2 следовало бы назвать не «Права и свободы человека и гражданина», а «Права и обязанности человека и гражданина», что более точно соответствовало бы нашей изменившейся политико-юридической реальности.

¹⁵ Кончаловский А. Как не «играть на струнах пустоты» // Рос. газета. 2021. 12 февр.

В связи с этим следует отметить, что «ряд стран (в том числе Индия, Китай и многие другие) подчеркивают относительность некоторых индивидуальных прав, делают акцент на признании семьи ядром общества, повышенной значимости экономических, социальных и культурных факторов, взаимосвязи между правами и обязанностями, необходимости защиты национального суверенитета и конституционной идентичности. Не будет ли большой ошибкой не прислушиваться к мнению, которого придерживаться как минимум полмира? В частности, не пора ли констатировать, что формирование современного каталога естественных общечеловеческих ценностей уже невозможно без признания не только прав и свобод человека, но и его естественных обязанностей? ...Между тем правовые обязанности настойчиво, так сказать, «стучатся в окно»»¹⁶.

Необходимость соответствующего баланса между правами и обязанностями доказана научно, ибо, согласно диалектической логике, это парные юридические категории, которые не могут существовать и действовать друг без друга. Обоснованно подмечено, что «взаимодействие парных категорий многогранно, предполагает их взаимообусловленность. Изменение одного влечет за собой непременно изменение другого. Они не могут существовать друг без друга (автономно), поскольку в этом случае утрачивают свою качественную определенность. Каждая из парных юридических категорий носит в себе самой стремление к другой, потребность в ней»¹⁷.

Любая абсолютизация одной из сторон парных категорий (которые находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии) приводит к абсурду и вредным социальным последствиям. Тут вполне можно согласиться с точным ленинским изречением по поводу того, что «всякая здравая идея, доведенная до крайности, превращается в абсурд». Если говорить юридическим языком, то права без соответствующих обязанностей вполне могут превратиться в различные злоупотребления, что, собственно, и происходит сейчас в «цивилизованных» странах. Это естественным образом «вытекает» из современной западной правовой идеологии, которая «довела» неолиберализм до крайности (свободу трансформировали во вседозволенность).

¹⁶ Зорькин В. Д. Право против хаоса. С. 86–87.

¹⁷ Рудаков А. А. Указ. соч. С. 72.

На «мельницу» установления соответствующего сочетания прав и обязанностей «льет воду» и один из важнейших принципов российского права – принцип единства прав и обязанностей. Он представляет собой «универсальное начало построения всех юридических норм и функционирования любых правовых отношений, заключающееся в неразрывной связи и взаимной зависимости, эквивалентности и равной значимости, невозможности, несмотря на противоположность направленности, отдельного существования предоставляемых субъектам возможностей (прав) и предъявляемых к ним обязанностей (обязанностей), обеспечивающее необходимую устойчивость социальных связей и гармоничное, эволюционное развитие личности и общества»¹⁸.

Причем в каждой из личных, политических, экономических, социальных и культурных групп основных прав и обязанностей принцип их единства может проявляться по-особому, что обусловлено первородной сутью соответствующих прав и обязанностей, например, сопряженных с естественно-природными истоками или с их реализацией при взаимоотношениях с государством¹⁹.

Следует также иметь в виду, что баланс прав и обязанностей нужно постоянно совершенствовать. В частности, в новой Конституции РФ и законодательстве важно создать более гибкую и продуманную систему прав и обязанностей, настраивать их баланс так, чтобы все «работало» в интересах общества и законопослушных граждан, а не проходимцев и иных «хитрецов», которые, активно пользуясь правами, вместе с тем умудряются ряд своих обязанностей не исполнять. Речь идет прежде всего о тех, кто под разными предлогами (далеко не всегда законными, как говорится, «откосил» с применением коррупционных схем от армии), не исполнил свои обязанности, хотя исправно пользовался правами. Это, естественно, нельзя считать справедливым. Однако получается вдвойне несправедливо, когда данные «откосившие» в свое время от службы в вооруженных силах лица не попали и под частичную мобилизацию в рамках проводимой

ныне специальной военной операции. Думаем, будет правильно, если граждан, которые не в полной мере исполняют свои определенные обязанности (например, служить в армии), соответственно (согласно принципу баланса прав и обязанностей) ограничивать и в определенных правах (например, в избирательных, в частности, выбирать президента страны). Тем же гражданам, которые исполняют свои обязанности достойно (в первую очередь добросовестно служат своей стране), следует предоставлять дополнительные права (социальные льготы, поступление в вузы без конкурса и т. п.). Это, несомненно, станет для граждан хорошей мотивацией и будет справедливо. И, наоборот, утрата должного сочетания прав и обязанностей для гражданина есть одновременно и утрата справедливости.

Таким образом, избыточное (зачастую искусственное) «расширение» прав человека и необоснованное «сужение» его обязанностей создает перекос во всех компонентах правовой системы. В немалой степени аномичные процессы в отечественной правовой системе будут минимизироваться, а социально-правовая жизнь стабилизироваться, в том числе до тех пор, пока не будет установлен соответствующий нашей правовой культуре баланс между правами и обязанностями граждан²⁰.

Обратимся к идее ввести в России прецедентное право, о чем весьма убедительно пишет В. Д. Зорькин: «Говоря о попытках внести в российскую нормотворческую практику элементы англосаксонского прецедентного права, которое в отличие от кодифицированного континентального (прежде всего германского) права в России никогда не применялось ни в имперской, ни в советской, ни в постсоветской юридической практике, важно иметь в виду, что различия между этими системами не только сугубо формальные, они отражаются в специфике мышления юристов – от законодателя до правоохранителя и от адвоката до прокурора. Эти различия требуют предварительного создания и организации сложных систем использования прецедентных доказательных баз. Эти различия требуют принципиально иной организации всего юридического процесса – от разработки законов до их повсеместного применения. И эти различия требуют немалого времени для того, чтобы право-

¹⁸ Грачев Т. С. Указ. соч. С. 10.

¹⁹ См.: Зубкова В. С. Конституционный принцип единства прав и обязанностей в сфере обеспечения гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав личности // Алтайский юридический вестник. 2015. № 4. С. 42.

²⁰ См. подробнее: Малько А. В. Права и обязанности человека и гражданина : баланс и учет правовой культуры // Правовая культура. 2022. № 4. С. 42–49.

применение в рамках новой правовой системы могло быть признано массовым российским сознанием как справедливое и легитимное. Потому любые попытки решительно и поспешно прививать к российской правовой системе англосаксонские юридические “побеги” не оправданны и разрушительны. Нигде в мире доказательств преимуществ англосаксонской системы не выявлено, а неизбежный при таких прививках “переходный период” обязательно хотя бы отчасти хаотизирует и ослабит и без того пока далекую от совершенства российскую систему правоустановления и правоприменения... Убежден, что если в современной России будет предпринята попытка вытеснить прецедентом конституционную норму, то не будет ни Конституции, ни прецедента»²¹.

Механическое заимствование правовых институтов иных систем приводит также к формированию недоверия со стороны населения в процессе их практического использования. Примером может служить институт финансового уполномоченного, который был введен в 2018 г. с принятием Федерального закона «О уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»²². Изначально институт был направлен на установление доверия со стороны населения в процессе обращения их к рынку финансовых услуг, банковскому сектору и т.д.²³ Уполномоченный по финансовым услугам представляет собой независимый орган, который задействован в споре между различными финансовыми организациями и их клиентами и пытается его урегулировать.

Данный институт, как и многие иные, был заимствован из зарубежных стран, входящих в разные правовые семьи, в частности Англии и Германии. Важно отметить, что английский институт уполномоченного, помимо работы с урегулированием конфликта в досудебном порядке, включает в себя еще и разъяснительную работу для потребителей финансовых услуг²⁴, что

практически отсутствует в отечественном законодательстве.

С введением финансового уполномоченного количество обращений граждан в суд не уменьшилось. При этом деятельность уполномоченного часто вызывает еще большие споры. К примеру, нередко его решения противоречат позиции Верховного Суда РФ. В частности, давно сложившаяся практика уполномоченных освобождать страховщика от выплаты неустойки в случае возмещения ущерба в срок, установленный финомбудсменом согласно п. 1 ст. 24. Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Однако такое решение незаконно согласно Определению Верховного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 14-КГ21-3-К1, в котором указано, что своевременное исполнение финансовой организацией решения финансового уполномоченного не освобождает ее от уплаты неустойки за нарушение обязательства. Тем не менее подобная практика финансовых управляющих продолжает действовать²⁵. Причина заключается в низком уровне подготовки финансовых управляющих и отсутствии с их стороны деятельности по разъяснению клиентам правовых норм и сложившейся практики в финансовых правоотношениях. Все это порождает недоверие к институту уполномоченного и юридическую аномию со стороны населения, которое по-прежнему обращается сразу в судебные органы для решения конфликтной ситуации. Также основанием может служить чрезмерная зарегулированность некоторых процедурных составляющих института, в частности, изначальная необходимость обращения потребителя в претензионном порядке к финансовой организации до обращения к финансовому уполномоченному. Подобную процедуру в ряде случаев можно расценивать как нарушение принципа равенства потребителей финансовых услуг.

Аномию можно обнаружить и в работе ряда публичных институтов, что приводит к росту числа различного рода правонарушений. К примеру, в настоящее время наблюдается увеличение количества административных правонарушений по ст. 8.2. КоАП РФ (несоблюдение требований охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления).

²¹ Зорькин В. Д. Право против хаоса. С. 451–452.

²² Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг : федер. закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 24. Ст. 3390.

²³ См.: Мошненко О. В. Институт финансового омбудсмена в РФ : проблемы и перспективы развития // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2020. № 1. С. 101.

²⁴ См.: Поршина А. В. Проблемы института финансового уполномоченного в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 23. С. 339.

²⁵ URL: <https://www.asn-news.ru/post/1057> (дата обращения: 19.04.2023).

Подобная ситуация связана с механическим заимствованием норм из зарубежных правовых систем, в которых различные «зеленые» государственные программы начинали действовать с начала XX в. Недостаток же освещения экологических проблем в РФ со стороны государства приводит к скептическому отношению к ним со стороны населения²⁶.

Нельзя не заметить также массового и не всегда обоснованного «копирования» иноязычной юридической и технической терминологии (особенно в новых отраслях российского законодательства). В Указе Президента РФ от 25 января 2023 г. «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года» прямо сказано, что необходимо активное «противодействие излишнему использованию иностранной лексики»²⁷. В печати также аргументированно подчеркивается, что задача «борьбы с излишними заимствованиями поставлена в законе о госязыке, который недавно подписал Президент. Согласитесь, без необходимости не стоит злоупотреблять непонятными многим иностранными словами. Это вопрос речевого этикета и вкуса»²⁸.

Если же говорить о «переносе» иностранных слов в правосознание наших граждан, то эти слова зачастую «смешивают» и где-то даже смягчают их первоначальный смысл, что тоже «работает» на усиление аномичных процессов в нашем обществе. Так, «наемные убийцы называются у нас “киллерами”, биржевые дельцы и спекулянты – “брокерами”, узаконенный разбой – “рейдерством”, воровство идей и технологий – “бенчмаркинг”, мздоимство и лихоимство – “коррупционным налогом” или “статусной рентой”, предвыборные сквернопись и сквернословие – “черным пиаром”. Все перечисленные термины, связанные с аномичными явлениями в обществе, смягчают исконно русское негатив-

ное звучание данных слов путем смещения смысловой конденсации или табуирования. Подобные табу отчасти формируются под влиянием превратно истолкованных требований “политкорректности” или “толерантности”»²⁹.

В связи с механически заимствованными западными правовыми идеями и конструкциями в современной российской государственно-правовой жизни наметилась противоречивая ситуация с приоритетом ценностей. С одной стороны, официально говорится о значимости справедливости, равенства, уважения к государственной власти, с другой – «тихо продолжается разговор», идущий с начала 90-х гг. о важности личного успеха (в рамках известного призыва «обогащайтесь»), дальнейшем расширении свобод, доминировании индивидуальных прав над правами общества и государства.

Подобные непоследовательность и раздвоенность в ценностной ориентации правового сознания приводят к «поведенческой растерянности», непониманию того, куда же «зовет» власть. Отсюда далеко не случайно в литературе аномия понимается как явление и процесс воспроизводства в обществе (на институциональном уровне) и массовом сознании населения безнормия, отсутствия четко установленных моральных и правовых ориентиров и влекущее за собой отклоняющееся поведение индивидов³⁰. В конечном счете все это не дает возможность праву (как инструменту регулирования) полноценно функционировать, эффективно упорядочивать общественные отношения.

Таким образом, в условиях глобализации само по себе заимствование правовых конструкций и идей, если оно вполне естественно и соответствует культуре «принимающей» страны, вполне оправданно. При условии должной интеграции зарубежные институты могут быть результативными в процессе реализации их на практике. К тому же существуют общие и в какой-то степени универсальные нормативно-ценностные начала, на которых базируются правовые системы многих государств.

Другое дело, когда в процессе взаимодействия происходит «слепое» (механическое) заимствование, когда правовые конструкции и идеи не соответствуют национально выверен-

²⁶ См.: Никитина Б. А. Сравнительный межпоколенческий анализ отношения населения к экологическим проблемам и реализации практик циркулярной экономики // Вестник Самарского гос. экон. ун-та. 2020. № 8. С. 58–68.

²⁷ О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года : указ Президента РФ от 25 января 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ Русецкая М. Кешбэк ушел рикошетом. Когда «птичий язык» неуместен // Рос. газета. 2023. 16 марта.

²⁹ Аномия современного общества : проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / под ред. В. В. Кривошеева. Калининград, 2008. С. 50.

³⁰ См.: Малинина К. О. Указ. соч. С. 11.

ным интересам и правовой культуре общества в целом, а также правосознанию большинства его граждан. В результате «расцветает» правовой нигилизм и противозаконная правореализационная деятельность субъектов, которые являются неизбежными «спутниками» юридической аномии.

Библиографический список

Аномия современного общества : проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / под ред. В. В. Кривошеева. Калининград : Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2008. 239 с.

Арановский К. В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 84–92.

Грачев Т. С. Единство прав и обязанностей как принцип права : общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 34 с.

Зорькин В. Д. Право против хаоса. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2023. 536 с.

Зубкова В. С. Конституционный принцип единства прав и обязанностей в сфере обеспечения гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав личности // Алтайский юридический вестник. 2015. № 4. С. 42–46.

Малько А. В. Права и обязанности человека и гражданина : баланс и учет правовой культуры // Правовая культура. 2022. № 4. С. 42–48.

Малинина К. О. Социальная аномия в современном российском обществе: причины, проявления, показатели : автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2015. 25 с.

Мошненко О. В. Институт финансового омбудсмена в РФ : проблемы и перспективы развития // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2020. № 1. С. 99–104.

Никитина Б. А. Сравнительный межпоколенческий анализ отношения населения к экологическим проблемам и реализации практик циркулярной экономики // Вестник Самарского гос. экон. ун-та. 2020. № 8. С. 58–68.

Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции (обзор материалов круглого стола) // Государство и право. 2004. № 11. С. 102–109.

Поршина А. В. Проблемы института финансового уполномоченного в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 23. С. 339–341.

Рудаков А. А. Парные юридические категории : теория прав и обязанностей. М. : Проспект, 2015. 232 с.

Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве в переходный период : общетеоретические вопросы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 37 с.

Ткаченко С. В. Рецепция права в переходный период развития России. М. : Юрлитинформ, 2011. 224 с.

Social control and solidarity during the COVID-19 pandemic : The direct and indirect effects of causal attribution of insufficient compliance through perceived anomie / A. Roblain, J. Gale, S. Abboud et al. // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2022. No. 32 (5). P. 963–973.

McCaffree K., Shults F. L. Distributive effervescence: emotional energy and social cohesion in secularizing societies // Theory and Society. 2022. No. 51. P. 233–268.

References

Anomie of Modern Society: Problems of Theoretical Analysis and Empirical Measurement / ed. V. V. Krivosheev. Kaliningrad : Baltic Federal University. I. Kant, 2008. 239 p.

Aranovsky K. V. Mythology and worldview in relation to state-legal regulation // Journal of Russian law. 2002. No. 9. P. 84–92.

Grachev T. S. The unity of rights and duties as a principle of law: a general theoretical aspect : cand. of legal sci. diss. abstr. Krasnodar, 2010. 34 p.

Zorkin V. D. Right against chaos. 3rd ed., revised. and additional. Moscow : Norma, 2023. 536 p.

Zubkova V. S. The constitutional principle of the unity of rights and obligations in the field of ensuring civil, political, economic, social and cultural rights of the individual // Altai Legal Bulletin. 2015. No. 4. P. 42–46.

Malko A. V. Rights and obligations of a person and a citizen: balance and accounting of legal culture // Legal culture. 2022. No. 4. P. 42–48.

Malinina K. O. Social anomie in modern Russian society : causes, manifestations, indicators : cand. of social. sci. diss. abstr. Moscow, 2015. 25 p.

Moshnenko O. V. Financial Ombudsman Institute in the Russian Federation: problems and development prospects // Theory and practice of scientific research: psychology, pedagogy, economics and management. 2020. No. 1. P. 99–104.

Nikitina V. A. Comparative intergenerational analysis of the attitude of the population to environmental problems and the implementation of circular economy practices // Bulletin of the Samara State University of Economics. 2020 No. 8. P. 58–68.

The legal system of Russia in the context of globalization and regional integration (a review of the materials of the round table) // State and Law. 2004. No. 11. P. 102–109.

Porshina A. V. Problems of the Institute of the Financial Ombudsman in the Russian Federation // Young scientist. 2022. No. 23. P. 339–341.

Rudakov A. A. Pair legal categories: theory of rights and obligations. Moscow, Prospekt, 2015. 232 p.

Rybakov V. A. Continuity in domestic law in the transitional period: general theoretical issues : dr. of law diss. abstr. Omsk, 2009. 37 p.

Tkachenko S. V. Reception of law in the transitional period of Russia's development. Moscow : Yurlitinform, 2011. 224 p.

Social control and solidarity during the COVID-19 pandemic : The direct and indirect effects of causal attribution of insufficient compliance through perceived anomie / A. Roblain, J. Gale, S. Abboud et al. // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2022. No. 32 (5). P. 963–973.

McCaffree K., Shults F. L. Distributive effervescence: emotional energy and social cohesion in secularizing societies // Theory and Society. 2022. No. 51. P. 233–268.

Тольяттинский государственный университет

Малько А. В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, заслуженный деятель науки РФ

E-mail: alex25-58@mail.ru

Липинский Д. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права

E-mail: dmitri8@yandex.ru

Маркунин Р. С., кандидат юридических наук, доцент

E-mail: markunin88@yahoo.com

Иванов А. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права

E-mail: ale_iv@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.04.2023

Для цитирования:

Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С., Иванов А. А. Механически заимствованные западные правовые конструкции и ценности как фактор усиления юридической аномии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/89-98>

Togliatti State University

Malko A. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, Honored Worker of Science of the Russian Federation

E-mail: alex25-58@mail.ru

Lipinsky D. A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Constitutional and Administrative Law Department

E-mail: dmitri8@yandex.ru

Markunin R. S., PhD of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: markunin88@yahoo.com

Ivanov A. A., PhD of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Department

E-mail: ale_iv@mail.ru

Received: 10.04.2023

For citation:

Malko A. V., Lipinsky D. A., Markunin R. S., Ivanov A. A. Mechanically borrowed western legal constructions and values as a factor of increasing legal anomie // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 2 (53). P. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/89-98>